

Накануне

С ижу перед листом афиши и удивляюсь: Москву ждет грандиозный, на три с половиной месяца (с конца марта до середины июля), театральный марафон. Сначала - "Золотая маска", фестиваль национальный, всероссийский. Потом - Второй международный театральный фестиваль имени А.П.Чехова. Бог мой, сколько имен, спектаклей, городов, стран. Удивляйтесь, читатели и театралы. Устроители сами удивляются своей смелости: в наши-то дни, наше трудное время.

Но попридержим пока удивление, взгляды в афишу. Не стоит предвкушать и разгадывать, как все пройдет. Прогнозы в театре - неблагоприятная, опасная вещь; пусть нас ожидают сюрпризы. Но посмотреть, что же обещано, мы вправе. Посмотреть, сравнить с прошедшим - оба фестиваля в Москве не впервые, увидеть движение театра.

"Золотая маска", с успехом проведенная год назад как премия столичного сезона, развернулась теперь на страну: Москва, Петербург, провинция, участие разного типа театров - балет и опера, драма и куклы. Фестиваль задуман как более широкий, демократичный, живой - впрочем, о нем "ЭС" уже писала.

"Чеховский фестиваль" (название ставлю в кавычки, так как он не посвящен Чехову, лишь освящен его именем) впервые прошел в Москве осенью 92-го года. Был он не слишком обильным и долгим, но разнообразным и плотным, выглядел академично и строго; представил театры Европы, и бывших союзных республик, и по одному - из Москвы и из Петербурга. Недоставало России. Театральная провинция взбунтовалась и быстро, почти экспромтом организовала и провела в столице собственный параллельный фестиваль - "Играем Чехова". (Сколько ни напоминали устроители, что Чехов в данном случае - не герой, а как бы символ мировой сцены, театральные люди не слушались. Из зарубежья привезли три "Вишневых сада", провинция собрала и представила сплошь чеховское, свое). При всех из-

держках торопливости акция была в духе времени, ранее немислимая, невозможная - провинция резко и внятно заявила о себе и о своих правах.

Сейчас такой вызов не нужен. Российский театр изначально включен в афишу на равных с зарубежом, ближним и дальним. За три года он определился и развился, окрепли театральные города, набрались самосознания, силы, собственного фестивального опыта. Сейчас масштабными фестивалями, всероссийскими и международными, уже нас не удивишь, будь то недавний Рождественский фестиваль искусств в Новосибирске или Ростовский ("Тюзовский") Минифест, ставший прочной традицией.

В "географии" Второго московского фестиваля место найдется Украине и Белоруссии, Прибалтике и Закавказью, Англии и Франции, Италии и Германии, Чехии и Швейцарии, российским городам - от Москвы до Владивостока. С другими континентами, правда, пока плоховато - впрочем, обещана Аргентина. Приедут именитые режиссеры - Брук и Стрелер, Штайн и Терзопулос, Някрошюс и Стуруа, и наш саратовский Дзекун, но всех, однако, не перечтешь, да и не надо. Новые знакомцы так же могут быть интересны, как прежние - пусть спектакли говорят за себя.

Покажут многое, разное: и национальную классику, и общую - от античной и от Шекспира до Беккета, и, разумеется, Чехова в разных его вариантах, присвоенного чуть не каждой страной; Чехова "от Штайна" и "от Някрошюса", и целый блок эстонских спектаклей, и доброй полдюжины наших. Российский театр Чехова в начале 90-х годов в основном камерный, поисковый, сейчас превратился в мощный энергетический пласт, развивается непредвиденно, интенсивно (чего не скажешь о Москве, где натрудившемуся классику, видимо, дали отдых). Кружит над российскими просторами в пору своего 100-летия "Чайка", и не потому, что таков юбилей (не все им озабочены, не все о нем знают). Но, вероятно, "рифмуются" как-то концы столетий, прошлого и нынешнего, когда писалась и когда так часто ставится эта пьеса. Об этом, однако, позже, когда

закончится фестиваль, пролетят над Москвой эти "Чайки" и в летнем театральном затишье будет о чем поразмыслить.

У каждого к фестивалю свой интерес. У меня более всего - "чеховский" и состояние мировой режиссуры. Других интересуют национальные театры. У кого-то, может быть, возникнет интерес почти спортивный: не сойти с дистанции, выдержать марафон до конца. Деловые люди уже сейчас любопытствуют: как удалось собрать такую команду устроителей, помощников, спонсоров фестиваля? И так далее.

Удивляться будет чему. Хотя - чему удивляться в театре, который существует вопреки любым предписаниям, обстоятельствам и прогнозам? Сколько ни предвещали ему трезвые умы закат и даже гибель в течение нашего века, а он себе жив, имеет дерзость распространяться и развиваться, прорастать в ткань общества, в самую материю жизни упорно и повсеместно. Знаете ли вы, сколько, к примеру, сейчас в Москве театров? Точно никто не знает, но счет идет не на десятки - на сотни. А сколько фестивалей в России? Множество.

Мы все говорим: в наше время. Нет времени "для" театра или "против" него, оттого он и жив был в России в самую тяжелую пору. Иногда кажется, что театр тоже есть жизнь, особая форма ее, какую не встретишь ни в одном другом из искусств, потому что весь он состоит из живого. Живые люди на сцене и в зале, рядом друг с другом, и те таинственные природные токи, что возникают между ними. Торжество живой природы в отчужденный и компьютерный век. "Роскошь общения", возможность встречи в огромном разорванном мире. Возможность приобщиться к иной жизни, чем та, что окружает нас в повседневности - иной, порой более осмысленной, настоящей и человеческой.

Когда-нибудь мы догадаемся, наконец, как соотносится театр с жизнью. Как он вторгается в драматургию жизни и сам выстраивает ее. Пока же - доверимся ему и пойдем удивляться на фестиваль.

Татьяна ШАХ-АЗИЗОВА.